

ности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), и преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 410 УК Республики Беларусь (действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома).

Общественная опасность рассматриваемых преступлений заключается в том, что они подрывают основы системы исполнения наказаний, нарушают упорядоченную работу уголовно-исполнительных органов, причиняют вред как сотрудникам этих учреждений, нарушая их повседневную служебную деятельность, так и осужденным, препятствуя их исправлению или исполнению ими общественной обязанности. Таким образом, вышеуказанные деяния посягают в определенной мере на функционирование всего механизма реализации уголовной ответственности и деятельность в данном направлении государственных органов, угрожая осуществлению уголовно-исполнительной политики Российской Федерации и Республики Беларусь.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за последние годы (2014–2019 гг.) динамика осужденных по разным частям ст. 321 УК РФ стабильна, имеет тенденцию к незначительному росту, число осужденных колеблется в небольшом диапазоне. Это объясняется тем, что исследуемое преступление характеризуется высоким уровнем латентности и многие деяния, содержащие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, расцениваются администрацией исправительных учреждений как дисциплинарные правонарушения. Несмотря на то обстоятельство, что в белорусской уголовной статистике факты совершения действий, дезорганизующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, представлены единичными случаями, необходимость в рассмотрении и изучении указанного вида преступления в Республике Беларусь имеет важное значение в связи с высокой превентивной направленностью данных норм, необходимостью принятия решений о правильной квалификации подобного рода деяний, отсутствием исследований, касающихся данной проблематики, в науке уголовного права и криминологии Республики Беларусь.

Важным является то обстоятельство, что в настоящее время отсутствуют научные труды, посвященные системному уголовно-правовому анализу преступлений, выражающихся в дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, с учетом современных реалий развития уголовно-исполнительных систем Республики Беларусь и Российской Федерации.

Развитие нормы о действиях, дезорганизующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, в Республике Беларусь шло отличным от развития в Российской Федерации путем. Необходимо отметить, что формулировка диспозиции ст. 410 УК Республики Беларусь обладает рядом специфических черт и отличий от аналога в УК РФ. Это также обуславливает необходимость проведения сравнительно-правового исследования. Вместе с тем в Российской Федерации отсутствует единство взглядов на многие проблемы, связанные с реализацией положений ст. 321 УК РФ, тем более что правоприменители и теоретики выявили недостатки законодательной конструкции данной нормы.

В науке уголовного права и правоприменительной практике в связи с применением исследуемой нормы имеются следующие проблемы:

в современной белорусской юридической литературе не нашло отражение детальное и глубокое комплексное исследование состава преступления, предусмотренного ст. 410 УК Республики Беларусь;

нет единства в понимании объекта уголовно-правовой охраны и определении круга субъектов преступлений, посягающих на нормальное функционирование учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, что имеет ключевое значение для следственных и судебных органов;

отсутствует четкая система квалифицирующих признаков, имеется их несоответствие, некоторые из них вовсе не учтены в рассматриваемых деяниях в ст. 321 УК РФ и ст. 410 УК Республики Беларусь;

ошибки в квалификации рассматриваемых преступлений, а также конкуренция норм Особенной части УК.

Перечисленные проблемы порождают трудности при применении ст. 321 УК РФ и ст. 410 УК Республики Беларусь в следственной и судебной практике, не позволяют увидеть четкие критерии разграничения исследуемых и смежных составов преступлений.

С учетом вышеизложенного необходимо подчеркнуть актуальность и значимость детального сравнительно-правового исследования, в рамках которого надлежит разработать оптимальные предложения по совершенствованию как законодательной регламентации изучаемых уголовно-правовых норм, так и практики их применения.

УДК 343.21(477)

А.В. Ободовский

О НАРУШЕНИЯХ СИСТЕМНОСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Уголовный кодекс того или иного государства, как и любой другой правовой акт, обладает свойством внутренней системности. Это означает, в частности, что все положения УК связаны друг с другом, взаимодействуют друг с другом, влияют друг на друга. Следовательно, в УК нет лишних или ненужных положений, все его положения нужны, каждое из них необходимо для выполнения определенной (своей) задачи. Такая оценка положениям УК дается изначально – кодексу как таковому. Внимательный же анализ текста УК может дать и другой результат: некоторые положения УК как бы не вписываются в круг, образованный другими его предписаниями. Таким образом, вывод о том, что УК является системой, – на самом деле утверждение, которое принимается как истинное, но считается таковым лишь до тех пор, пока не будет опровергнуто. Другими словами, презумпция системности УК – это презумпция опровержимая.

Системность УК может быть нарушена из-за недостатков, допущенных в формулировках самых разных его положений: как положений Общей части УК, так и положений Особенной его части, как предписаний, содержащихся в диспозициях статей (частей статей) Особенной части УК, так и предписаний, закрепленных в санкциях статей (частей статей) Особенной части УК, и т. д. Кроме того, нарушения внутренней системности УК могут быть разными по масштабам: как точечными, так и затрагивающими целый ряд положений кодекса. Можно, по-видимому, выделить и другие виды нарушений внутренней системности УК.

Если какое-либо положение УК сформулировано так, что оно нарушает внутреннюю системность кодекса, то непременно возникнет вопрос о том, как в таком случае применять УК. Научой и практикой выработаны рекомендации, как следует применять УК в ситуациях, когда имеет место конкуренция или коллизия уголовно-правовых норм. Однако вопрос далеко не однозначный: нарушения системности УК могут иметь разные проявления, поэтому единого рецепта здесь, очевидно, быть не может. К тому же ответить на вопрос о том, что следует считать нарушением внутренней системности УК, оказывается, тоже непросто: все положения УК были приняты в порядке, установленном для принятия законов, и в этом смысле они равноценны. Каждое положение УК – результат волеизъявления органа законодательной власти государства, и в этом смысле все положения УК тоже равноценны. В связи с этим и появляется ощущение того, будто системность УК на самом деле нарушаться не может, а могут быть только некоторые исключения из определенного общего правила.

Исключения в уголовном праве – это другое правовое регулирование того же вопроса в некоторых ситуациях. При этом доля таких некоторых ситуаций в общем количестве ситуаций, охватываемых правовым регулированием данного вопроса, должна быть сравнительно небольшой (иначе исключение утрачивает признак исключительности). Поскольку общий вопрос – один и тот же, то другое правовое регулирование некоторых ситуаций в пределах указанного вопроса должно быть надлежащим образом обоснованно (в противном случае соответствующее положение УК будет нарушать принцип равенства и другие принципы уголовного права). Так, глубокие корни имеет положение УК Украины о том, что давность не применяется в случае совершения ряда преступлений против мира и безопасности человечества (ч. 5 ст. 49). Это законодательное решение, несомненно, имеет серьезное обоснование, поэтому указанное положение УК Украины воспринимается именно как исключение.

Вместе с тем в первой (от 5 апреля 2001 г.) редакции ч. 1 ст. 69 УК Украины было установлено, что при наличии нескольких обстоятельств, смягчающих наказание и существенно снижающих степень тяжести совершенного преступления, с учетом личности виновного суд, мотивировав свое решение, может за особо тяжкое, тяжкое преступление или преступление средней тяжести назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом. За преступление небольшой тяжести назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом, было нельзя (даже если были в наличии несколько обстоятельств, смягчающих наказание и существенно снижающих степень тяжести совершенного преступления). И Конституционный Суд Украины в решении от 2 ноября 2004 г. по делу о назначении судом более мягкого наказания признал положение ч. 1 ст. 69 УК Украины в части, исключающей возможность назначения лицам, совершившим преступления небольшой тяжести, более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, неконституционным. В обосновании своей позиции Конституционный Суд Украины, в частности, указывал на нарушение рассматриваемым положением УК Украины принципов справедливости и равенства (абзацы 12 и 19 подп. 4.1, п. 4, абзацы 2, 6 и 10 подп. 4.2 п. 4 мотивировочной части указанного решения Конституционного Суда Украины).

Несмотря на то что даже в первой редакции УК Украины были положения, нарушающие внутреннюю системность кодекса, все же таких положений не могло быть много: процесс подготовки и обсуждения проекта УК Украины, как и любого кодифицированного акта, предполагал, безусловно, скрупулезное согласование между собой всех положений кодекса. Однако за годы, прошедшие со дня принятия УК Украины, в него было внесено много изменений и дополнений, и эти изменения и дополнения далеко не всегда согласовывались с другими положениями кодекса. При этом в одних случаях такие изменения можно рассматривать все же как исключения в уголовном праве (в УК Украины), в других же случаях они представляют собой не что иное, как нарушения принципа внутренней системности УК Украины.

Так, исключением, по-видимому, следует признать положение новой редакции ч. 5 ст. 49 УК Украины, в соответствии с которой давность не применяется еще и в случае (этого не было в первой редакции ч. 5 ст. 49 УК Украины) совершения преступлений против основ национальной безопасности Украины. Вместе с тем отсутствие указания на эти же преступления в ст. 80 УК Украины (освобождение от отбывания наказания в связи с окончанием сроков давности исполнения обвинительного приговора) серьезно колеблет данный вывод. Однако и аргументы в пользу признания анализируемого положения ч. 5 ст. 49 УК Украины именно исключением в уголовном праве можно привести весьма убедительные.

При этом в других случаях ситуация противоположная. Проиллюстрировать ее можно на примере ст. 258⁴ УК Украины, объявляющей наказуемым содействие совершению террористического акта. Если исходить только из названия данной статьи, абстрагировавшись, таким образом, от деяний, названных в диспозиции, то следует признать, что в ст. 258⁴ УК Украины установлена ответственность за пособничество в совершении террористического акта (именно пособником в соответствии с ч. 5 ст. 27 УК Украины признается лицо, которое содействовало совершению преступления (в нашем случае – преступления, предусмотренного ч. 1, 2 или 3 ст. 258 УК Украины, т. е. террористического акта) другими соучастниками). Из ч. 2 ст. 29 УК Украины следует, что пособник подлежит ответственности по ч. 5 ст. 27 и той статье (части статьи) Особенной части УК Украины, которая предусматривает преступление, совершенное исполнителем. Значит, пределы ответственности пособника и исполнителя будут одинаковыми и определяются санкцией соответствующей статьи (части статьи) Особенной части УК Украины. УК Украины не содержит каких-то особых правил (пределов) наказуемости деяний пособника (соучастника другого вида), поэтому в случае отсутствия в УК Украины ст. 258⁴ пособнику в совершении террористического акта следовало бы назначать наказание в пределах санкций ч. 1, 2 или 3 ст. 258 УК Украины. Наличие в УК Украины ст. 258⁴ делает это невозможным. Санкции же указанных норм являются разными. Неминуемо возникнет также вопрос об учете квалифицирующих признаков.

Таким образом, наличие в УК положений, нарушающих его системность, усложняет применение УК, создает предпосылки для принятия неодинаковых решений в юридически одинаковых ситуациях. Нарушающие системность УК положения не являются коллизиями в собственном смысле этого слова, их следует также отличать от исключений в уголовном праве (исключений в УК).

УДК 343.62

О.А. Осипенко

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО ВОЗРАСТА ВОЗЛОЖЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ ДЕТЕЙ

С позиции уголовного права лицо, совершившее преступление, характеризуется признаками (свойствами), которые имеют значение для оценки его личности и влияют на оценку характера и степени общественной опасности деяния. Из множества социальных, психологических, биологических свойств, характеризующих преступника, лишь некоторые из них законодатель вводит в состав преступления в качестве признака субъекта. Так, субъектом преступления в теории уголовного права признается физическое вменяемое лицо, достигшее установленного возраста, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Отсутствие хотя бы одного признака субъекта преступления означает отсутствие этого элемента состава преступления, что исключает уголовную ответственность за содеянное.

Правовая регламентация возраста, с которого возникает уголовная ответственность за совершение общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 174 УК Республики Беларусь, имеет противоречия. Так, в соответствии со ст. 27 УК уголовная ответственность за рассматриваемое преступление наступает с 16 лет. Однако эта ответственность может иметь правовое основание, если лицо с этого возраста имеет установленную законодательством обязанность, подтвержденную судом, уплачивать средства на содержание детей. По действующему законодательству обязанность несовершеннолетнего лица по уплате средств на содержание детей не имеет однозначной правовой регламентации. Такая обязанность возникает в случае, если лицо, достигшее 16-летнего возраста, признано эмансипированным (полностью дееспособным) в соответствии со ст. 26 ГК, что возможно когда несовершеннолетний работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Возможность несовершеннолетнего, если он не признан эмансипированным, иметь полную дееспособность и, следовательно, выступать лицом, обязанным уплачивать средства на содержание детей, а значит, выступать субъектом рассматриваемого преступления, не установлена в КоБС. Если обратиться к правовым источникам, имеющим косвенное отношение к этому вопросу, то следует отметить, что в ст. 18 КоБС определен возраст вступления в брак, что, как сказано в ст. 12 КоБС, порождает для сторон взаимные права и обязанности, и это можно трактовать и как обязанность по содержанию детей. Возраст вступления в брак установлен с 18 лет, но может в исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия, снижен не более чем на три года органом, регистрирующим акты гражданского состояния, т. е. вплоть до 15 лет. Однако эти положения не дают оснований устанавливать несовершеннолетнему обязанность уплачивать средства на содержание детей, за уклонение от выполнения которой он подлежит уголовной ответственности, если он не признан эмансипированным, в случае, когда является родителем ребенка, но не вступил в брак. При анализе проблемы возраста, с которого наступает ответственность за уклонение от уплаты алиментов, необходимо для сравнения обратить внимание на установление возраста, с которого возникает обязанность родителя возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей (ст. 93 КоБС): за несовершеннолетних родителей расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, возмещаются родителями, усыновителями этих несовершеннолетних родителей; при отсутствии родителей, усыновителей, а также в случае непогашения расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, родителями, усыновителями возмещение указанных расходов, начиная со дня помещения ребенка на государственное обеспечение, осуществляется несовершеннолетними родителями после достижения совершеннолетия либо с момента приобретения ими до достижения совершеннолетия дееспособности в полном объеме. Из данной нормы следует, что возмещение государственных расходов на содержание детей осуществляется родителем после достижения им совершеннолетия либо с момента приобретения дееспособности в полном объеме, путем признания несовершеннолетнего эмансипированным, а, следовательно, с этого возраста возникает и основание привлечения его к уголовной ответственности за уклонение от выполнения этой обязанности. Из содержания ст. 93 КоБС также вытекает, что родители и усыновители хотя и обязаны возмещать вместо своих несовершеннолетних детей такие расходы, но не несут юридическую ответственность за это возмещение, поскольку в случае невозмещения ими этих расходов обязанность по возмещению переходит на достигших совершеннолетия детей, являющихся родителями ребенка, находящегося на государственном обеспечении. Как видно из приведенного анализа, возникает правовая ситуация, когда выполнение под угрозой уголовного преследования обязанности в виде уплаты средств на содержание детей, различающейся адресатом этих средств, возлагается в одном случае только на лицо, достигшее совершеннолетия (уплата средств государству за содержание детей), а в другом случае – на не достигшее совершеннолетия (уплата средств другому родителю). Такая ситуация требует упорядочения законодательства в целях достижения справедливого равенства возложения уголовной ответственности с одного и того же возраста за совершение деяния одного и того же вида. Решение данной проблемы возможно двумя путями: либо законодательно установить обязанность уплаты алиментов с 16-летнего возраста с возможностью привлечения к уголовной ответственности за ее невыполнение, либо по достижении совершеннолетия,